

ПОДРОСТОК: зона нашего влияния

В ОДЕССКОМ ТЮЗе мне разрешили познакомиться с анкетами, которые ребята заполнили по просьбе педагогов театра. Им предложили ответить на два вопроса: «Каким бы я хотел видеть мой театр?» и «Что мешает его разбоить?»

Среди десятков листов в клеточку и линейку, вырванных из школьных тетрадок, мое внимание привлек один, в котором, как мне кажется, наиболее точно выражено отношение подростков к ТЮЗу:

«В основном мешает название. Многие ребята, мои сверстники, — пишет восьмиклассник О. Стецюк, — считают, что они слишком взрослые, чтобы ходить в ТЮЗ».

Любопытно, что школьники заполнили анкету после просмотра спектакля по пьесе Теннесси Уильямса «Стеклозверинец». Эта драма воспоминаний, как определяет жанр пьесы автор, непростая для постановки, на нее не каждый «взрослый» театр решится, а вот наши тюзовцы рискнули. И не прогадали. Почему?

Во-первых, тот же восьмиклассник Стецюк написал: «Я хотел бы, чтобы в театре показывали побольше таких спектаклей, как «Стеклозверинец». Во-вторых, по оценке критиков, эта работа удалась и режиссеру-постановщику Геннадию Офенгейму, и художнику Валерию Жуйко, и артистам (правда, им — в разной степени, так как в спектакле занято три состава).

Для тех, кто еще не посмотрел этот спектакль, а идет он в Одессе только в ТЮЗе, да и то редко, напомним, что в центре пьесы — глубокие нравственные проблемы, с которыми неизбежно сталкивается каждый молодой человек, вступающий в самостоятельную жизнь. Отношения с родителями, бывшими соучениками, первая любовь, мучительные поиски настоящего дела — все это ложится нелегким грузом на еще не окрепшие души. Как выйти из этих испытаний достойно? Как не нанести глубоких ран людям, которых любишь? Как стать настоящим человеком?..

Свой «Стеклозверинец» Уильямс написал в конце 40-х годов, действие происходит на юге Америки. Казалось бы, что за дело сегодняшним одесским ребятам до страданий молодого провинциального клерка и его сестры? Но все дело в том, что Уильямс в числе своих учителей с гордостью называл Чехова, что проблемы, которые он мучительно пытается решить со своими героями, вечны.

Мы так подробно остановились на этом спектакле, потому, что он, пожалуй, самая интересная и, как это ни парадоксально, самая нетипичная работа этого коллектива. Мы смотрели «Стеклозверинец» вместе с руководителем творческой лаборатории главных режиссеров ТЮЗов при Всесоюзном театральном обществе, заслуженным деятелем искусства РСФСР Л. Е. Хейфецем. Он с интересом поглядывал на сцену и с удивлением в зал, а потом написал в своем блокноте: «Почему же в театре сегодня пусто?»

Что я мог ему ответить? Сказать, что спектакль не тронул сердца зрителей — сказать неправду или не всю правду. Передо мною письмо в редакцию, написанное

сестрами Людмилой и Натальей Гончаровыми, студентками Одесского музыкального училища:

«Дорогая редакция! Сегодня мы были в ТЮЗе на спектакле «Стеклозверинец», а затем дома весь вечер проговорили о нем. К нашему стыду, мы были в ТЮЗе второй раз в жизни. Первый раз — в детстве... И вот спустя много лет — «Стеклозверинец». Мы не знаем, что скажут о нем критики, примут ли они его так же, как мы — целиком и всем сердцем — или будут раскладывать все по полочкам...»

Мне довелось присутствовать как раз при том, когда Л. Е. Хейфец в рамках профессиональной учебы именно «раскладывал по полочкам» этот спектакль. Состоялся серьезный разговор, который, конечно же, не стоит выносить на страницы газеты. Скажем только, что в целом эта работа одесситов получила высокую оценку, хотя были, разумеется, и критические замечания.

Поделился с О. Стецюком и сестрами Гончаровыми главным выводом, который я сделал из этой встречи. И артисты, и режиссеры разделяют их тревогу. Они тоже хотят, чтобы ТЮЗ стал театром на всю жизнь. Чтобы в него ходили не только с мамой, но и в отрочестве и юности.

КАК ПОКАЗЫВАЕТ печальный опыт ТЮЗа (не только Одесского), самый «нетеатральный» возраст — подростковый. Малышей приводят строем на «Емелино счастье». Как же сделать, чтобы спустя несколько лет они сами пришли на «Гуманоид в небе мчится», «Никто не поверит», а затем — на «Семь криков в океане», «Выбор», на тот же «Стеклозверинец»?

Первая потеря, на наш взгляд, происходит в зале, куда набились малыши. Сегодня дают «Босую птицу». Учительницы суетятся, рассаживая детей по местам, а затем, когда гаснет свет, забираются в дальние ряды и судачат о чем-то своем или вяжут...

А что возьмешь с пятиклассника, который впервые пришел в театр? Он вырос под домашнее бормотание телевизора, привык к кинозалу, но стоит на сцене появиться живому актеру...

Всему виной — формализм. Родители охотно дают деньги на культпоход в театр, школа приводит их сюда строем «на мероприятия». А артисты — артисты уже привыкли играть под галдеж.

Первый поход в театр должен стать огромным событием в жизни ребенка. Задолго до этого учителя обязаны объяснить ему, чем отличается это искусство от уже привычных кино и телевидения, каковы его законы. Да и педагоги театра могли бы загодя, перед спектаклем, заглянуть в школу, встретиться с детьми. Ведь и Валентина Леонтьева перед каждой своей сказкой беседует с юными телезрителями,

как бы формируя их душевный настрой.

И все же с малышами проблем сравнительно немного. Когда они особенно расшумаются, учительницы появляются из темноты и наводят порядок. Что ж, школа провела культпоход, театр выполнил план, да и дети все же получили что-то взамен средств, ассигнованных их родителями. Но не забудем, что поелит несколько лет, и послушный малыш станет строптивым подростком.

С подростками — куда труднее. Деньги на билеты они то сдают классным руководителям, но вот в театр ходят неохотно. Справедливости ради отметим, что и «взрослые» театры нынче не избалованы зрителями. Но ведь и эта «несостоявшаяся публика» — бывшие малыши, бывшие подростки.

КАК ЖЕ «заманить» их в зал ТЮЗа? Театр для детей прежде всего должен быть настоящим театром, а его спектакли — подлинными произведениями мастерства, — так считал основоположник советского детского театра А. А. Брянцев. Что же это значит в представлении семиклассников восьмидесятих годов? Дети, особенно подростки, гораздо острее, чем взрослые, ощущают фальшь, дурную театральность и не склонны их прощать. И не только в театре, но и в жизни. Как писал недавно главный режиссер Ленинградского ТЮЗа, народный артист РСФСР З. Корогодский, «необходимость в серьезном разговоре возникает у детей каждый день, особенно, у подростков, — ему подавай ответы на самые острые вопросы жизни: и что такое человек, и существует ли на свете любовь, и что значит смерть, и почему люди ее боятся, и что такое, наконец, эти вечные «добро» и «зло».

А теперь представьте себе таких ребят, которые попали в ТЮЗ. Какие пьесы, какие герои способны выдержать их требовательный, скептический, ироничный, а порой, увы, и пустой взгляд? Классика, мировая и отечественная. «Горе от ума» и «Ромео и Джульетта», «Гамлет» и «Борис Годунов», «Разбойники» и «Ревизор», «Гроза» и «Лисья пьеса», «На дне» и «Баня», «Оптимистическая трагедия» и «Загибель ескадры», «Антигона» и «Стеклозверинец». Каждое слово здесь весомо, каждая сцена полна глубокого вневременного смысла. Собственно, так и построен курс литературы в школах: все начинается с классики.

Конечно же, это совсем не означает, что современная драматургия должна уйти в тень своих великих предшественников. Но ведь нельзя же в самом деле считать нормальным, что в репертуаре одесского ТЮЗа нет ни одного произведения классиков

драматургии, ни одной инсценировки классической прозы — ни советской, ни зарубежной.

Почему же сложилось такое положение? И на этот вопрос трудно ответить. Вообще чем больше было поставлено вопросов, тем меньше, к сожалению, было получено однозначных ответов от заинтересованных лиц. В театре горько шутят: «У нас — ни Тимура, ни команды, ни Ромео, ни Джульетты». Впрочем, это не совсем справедливо: мы видели в труппе молодых акте-

ров и актрис, которым и сегодня в пору примерять костюмы шекспировских героев. Правда, их единицы... Средний же возраст труппы — свыше сорока лет — одна из самых ее больших проблем.

Абсурдно было бы утверждать, что для молодых должны играть только молодые. В любом театре, в том числе и для самых маленьких, должны и могут работать актеры всех возрастных категорий. Только так может нормально функционировать такой сложный организм, как театральная труппа, только так создаются и передаются из поколения в поколение традиции. Но, безусловно, следует учитывать специфику театра, а значит, соблюдать пропорции этих самых возрастных групп. Нужно играть Джульетту так, чтобы подросток, сидящий в зале, увидел в ней для начала свою сверстницу и поверил ей. Пусть эта юная Джульетта будет еще совсем далека от совершенства, и дыхание у нее пусть перехватывает... В конце концов когда же и где играть юных героев, как не в юности на сцене ТЮЗа? Ведь потом, во «взрослом» театре по соседству этой роли уже не будет никогда.

Впрочем, могут на этот счет быть и другие мнения — кому и как играть классику. Бесспорно, на наш взгляд, одно: ставить в ТЮЗе ее надо непременно.

Главный режиссер театра В. В. Туманов убежден, что сегодня театр к классике не готов, и в первую очередь из-за состава труппы.

— Я считаю, — говорит он, — что нам нужны молодые актеры, и не для того, чтобы поручать им роли гномов, поросят, дубовочек — их с успехом сыграет опытная трагедия. Молодые должны играть молодых — Джульетту, молодого Гайдаря, Корчагина.

— Где же их взять, молодых? Ведь нужно работать с уже реально сложившейся труппой?

— В свое время при Одесском ТЮЗе под руководством его главного режиссера Н. В. Зайцева успешно работала студия, в которой занимались способные ребята, влюбленные в сцену. Немало ее выпускников стали впоследствии актерами. Такая студия работает сегодня при Киевском театре имени Ивана Франко, в Кировограде и других городах. Я считаю, что назрела необходимость создать такую студию и у нас. Руководить ею могли бы одесские режиссеры и актеры.

Что ж, создание студии послужило бы катализатором,

разбудило бы творческие силы театра. Но и сегодня, на наш взгляд, можно приобщать детей к классике. Почему бы не инсценировать сцены из «Капитанской дочки», «Дубровского», «Героя нашего времени», «Тараса Бульбы», не перенести на сцену главы «Мертвых душ», «Отцов и детей»? Можно ставить хотя бы отдельные сцены из Островского, Горького, Чехова, Маяковского. Можно было бы синхронизировать курс преподавания литературы в школах и показ инсценировок по этим произведениям в театре. Даже самый убежденный «физик» не устоит перед «живым» Чичиковым или Гриневым, Печориным или Митрофанушкой. Хочется верить: он придет из театра и раскроет книжку, а потом зачитается — снова в театр. Конечно же, процесс этот не следует упрощать, как не следует, видимо, и чрезмерно усложнять его.

Уже сегодня в театре есть работы и актеры, способные удерживать в зале подростка и взрослого зрителя. И среди них — «Никто не поверит» по пьесе Г. Полонского. Это один из тех спектаклей, на который можно пойти всей семьей — от самых маленьких до самых старших. В нашу задачу не входит анализ конкретных спектаклей, и все же нельзя не отметить мастерство, выдумку и искренность режиссера-постановщика О. Сташкевича, художника В. Жуйко, актеров Ю. Невгамонного, Н. Орловой, И. Гринштейна.

И ЕЩЕ ОДНО. Как заметил, видимо, читатель, мы главный режиссер, ни автор статьи еще ни слова не сказали о трудностях, с которыми столкнулся театр, попав временно в здание бывшего театра музыкальной комедии. Это предмет особого разговора. Скажем только, что гордо-герою, городу с миллионным населением не к лицу содержать театр для своих маленьких граждан в таком неприглядном состоянии.

Много прекрасных слов о любви и детям говорим мы. Но возмись за шефство над ТЮЗом ЗОР, паролство, «Январка» — и не появились бы в анкете, с которой мы начали свой рассказ, такие строки: «Мешает работе ТЮЗа плохое здание. Я бы перенес его в оперный театр». Вот ведь как боится сердцем за ТЮЗ этот мальчик.

НАСТУПИЛО лето. Театр покинул свое уютное, обветшавшее жилье, и сегодня звучат диалоги и монологи у пионерских костров — труппа ведет лагерную жизнь. Как хочется, чтобы за эти месяцы хоть что-нибудь здесь изменилось, пусть немного, но все же... И репертуар, и состав труппы, и облик здания, и зал. Пусть в театре,носящем имя Николая Островского, появится, наконец, инсценировка его произведений. Пусть зазвучат со сцены монологи Бориса Годунова и Гамлета, стихи Леси Украинки и Маяковского, Блока и Вознесенского. Пусть Джульетта, а она есть в труппе, найдет, наконец, своего Ромео. И тогда, быть может, в следующем сезоне девятиклассник О. Стецюк приобретет билет в ТЮЗ в театральной кассе, а не получит его от классного руководителя.